

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.9

А.В. Быкова

РАЗРАБОТКА ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЯ СУБЪЕКТА КАК НОСИТЕЛЯ ПРИЧИННОСТИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Формирование субъекта профессиональной деятельности в образовательном процессе вуза»), проект № 12-16-63001.

Анализируется ситуация введения понятия субъекта в российскую психологию. Рассматриваются основные подходы к определению понятия субъекта в психологии. Показано методологическое различие тезисов «субъект – носитель активности» и «субъект – источник активности». В контексте определения понятия «субъект» рассмотрено содержание понятий «мотив», «воля», «произвольность». Проанализирована традиция трактовки субъекта как носителя причинности, изложены взгляды В.А. Петровского. Дано определение понятия субъекта как источника произвольной активности индивида, введенное на основе родового понятия «ситуация».

Ключевые слова: субъект; личность; сознание; активность; деятельность; источник активности; причинно-следственные ряды; воля; ситуация.

В современных словарях и энциклопедиях термин «субъект» обозначается по преимуществу действующий и познающий человек. Действия субъекта фактически всегда являются актами, процессами взаимодействия человека со средой как с объектом, причем взаимодействие выступает частным случаем отношения, реализованного в физической области явлений. Акты действия и познания предполагают два атрибута субъекта – активности и сознания, без которых невозможно целенаправленное действие и осознанное отражение. В процессе взаимодействия субъект и объект изменяются, следовательно, изменяются и отношения между ними. Иными словами, акты действия и познания описываются не отношениями, а изменениями отношений. Всякое действие субъекта вызывает определенную реакцию объекта, которую субъект воспринимает. При этом надо учитывать и активность среды. Субъект не только познает, но и познаётся в различных формах своей активности. Таким образом, можно сказать, что субъект – это носитель активности [1].

Субъект – это активный источник новых качеств в образовательном процессе, объект – взаимодействующий с ним материал и результат активности. Выделенная функционально-сущностная неравнозначность полюсов необходима для создания познавательной позиции и самоопределения исследователя – носителя духовно-творческой энергии человечества, предстоящего неодушевленному предмету.

Начатая тема соотношения культуры и социума, субъекта – пока еще преимущественно философско-методологическая. Философия отразила различные познавательные отношения к миру, которые могут быть реализуемы в анализе образовательного процесса. Среди них натурализм (взаимодействуют две природные системы), субъективизм (объект обусловлен структурой познающего его сознания), материализм (объект онтологически первичен, а субъект является материальным существом), диалектика.

Наиболее мощный, диалектический подход предполагает, что субъект-объектные отношения историчны и включены в общественную практику; отражение субъекта активно и в разной степени осознанно; знание не абсолютно совпадает с формой наличных отношений между объектом и субъектом.

Философия понятиями субъекта и объекта отвечала на вопрос, где активное и где страдательное начала происходившего с человеком и вокруг него. Психология как рассуждение о человеке с помощью научных факторов и технических средств тоже отвечает на этот вопрос.

Психология наших дней идёт вслед за философией в том смысле, что ищет предварительного ответа на вопрос «кто активен?» в социуме. За 100 лет возникли новые навыки употребления философской категории, которые не так просто «пристегивают» научное мышление к дефинициям «субъект – это дух», «субъект – это человек» или «субъект – это деятель». Появился разветвлённый эмпирический аппарат психологического исследования, который объективизирует субъективность испытуемого, т.е. превращает в набор измеряемых качеств. Особенность психологии в том, что это наука о субъекте, который берётся ею как объект исследовательских манипуляций. Предмет постулируется как внешний законодатель процесса, он не может выступать как реальный социальный элемент объективации-субъективации в эксперименте. Психологическое теоретизирование двойственно, оно «импортирует» понятие субъекта как теоретически готовый продукт. С другой стороны, оно не может не отражать в этом понятии практику обслуживаемой им теоретико-эмпирической системы.

В социальной психологии субъект дифференцируется в соответствии с формами деятельности (субъект труда, познания, общения), ситуацией исследования (субъект экспериментальной активности), дисциплинарным подходом (групповые субъекты социальной психологии). Можно согласиться, что понятие «субъ-

ект» в отличие от обычно употребляемых его значений может быть использовано для характеристики различных форм, различных способов и уровней процесса образования. В этой характеристике не только подчеркивается наличие некоторого объективного отношения, но и определяется его качество. Это понятие субъекта относится не к источнику определенного вида деятельности, оно обозначает качественно определенную детерминацию процессов на определенном уровне.

Социальная психология, являясь теорией о феноменах, порожденных взаимодействием людей, в то же время является сферой социальной практики. Образование также может рассматриваться как одна из ведущих сфер субъективации и объективации, т.е. является социокультурной технологией формирования субъектного уровня психики, а наука социальная психология – как экспериментальная технология формирования субъектного уровня психики. Фактически здесь мы анализируем процессы создания новых надстроек над «материальными» процессами психики человека – процессы, лежащие в основе объективирующей тенденции психики.

Общепсихологическая категория «субъект» занимает ключевое место в концепции С.Л. Рубинштейна [2]. Учёный разработал основополагающие принципы, которые во многом определили дальнейшее развитие этой категории в современной психологии. Важнейшим аспектом этого развития и одной из главных заслуг С.Л. Рубинштейна является отмечаемое в работах К.А. Абульхановой-Славской положение об объективации субъективного, которое доказывается через:

- 1) включение субъекта в бытие;
- 2) введение принципа детерминации [1].

С.Л. Рубинштейн выступает против двух тупиковых, с его точки зрения, для психологии направлений: интроспекционизма и гносеологии. Первое, по его мнению, неправомерно отождествляет субъекта с сознанием, тем самым замыкая его на самого себя. Второе сводит понятие субъекта лишь к познанию и проблеме его объективности. С.Л. Рубинштейн рассматривает категорию субъекта в онтологическом плане, хотя и не игнорирует при этом познавательный аспект.

Им выделяются два значения субъективного.

1. «Субъективность в первом исходном её значении связана с принадлежностью всего психического индивиду, человеку как субъекту» [2. С. 61].

2. Субъективность «связана с более или менее адекватным отношением психического к бытию как объекту» [2. С. 62]. Дифференцируя эти понятия, автор чётко проводит границу между субъективностью и субъективизмом.

Тем самым С.Л. Рубинштейн выводит категорию субъекта из гносеологического тупика: «...говоря о познании субъекта, нужно различать субъекта как определённую реальность – человека как сознательное существо, то есть того, кто является субъектом, и понятие субъекта – функцию субъекта, которую он выполняет в процессе познания» [2. С. 165]. Такое понимание позволяет С.Л. Рубинштейну вывести ряд важных характеристик субъекта. Понимание субъекта как субъективной реальности позже стало разрабатываться как одно из направлений психологии субъекта [3].

Субъект понимается как «центр перестройки бытия», его роль состоит в том, что он «своим познанием и действием конструирует бытие»; человек имеет «деятельностную модальность, но она сводится не к деятельности, а к сущности деятеля, который осуществляет её» [1. С. 15–25]. С.Л. Рубинштейн подчеркивает ещё одну важную зависимость: субъект часто сопряжён с понятием личности [2]. Вот что пишет по этому поводу К.А. Абульханова-Славская: «для Рубинштейна характерно понимание субъекта как основания связи сознания и деятельности: данная связь образуется личностью» [1. С. 31]. Таким образом, смысл разделения субъекта и личности в том, чтобы различить носителя психической активности и социокультурные качества этой активности.

Такого же мнения придерживается А.В. Петровский: «Субъект – носитель активности. Личность – системное качество, приобретаемое субъектом в предметной деятельности и общении, характеризующее его со стороны включённости в общественные отношения» [10. С. 100].

Таким образом, личность есть системное качество активности субъекта, а субъективность – элементарное состояние сознательность отражающее «человеческую» активность. Например, одной из наиболее важных характеристик личности, выступающих как высший уровень активности субъекта, наряду с инициативой, является ответственность. «Ответственность человека не только за то, что он делает, но и за то, чем он будет, станет, за себя самого, за то, что он есть, поскольку то, что он сейчас есть, – это в какой-то предшествующий момент его жизни было тем, что он будет» [2. С. 102].

Произошло разделение активности (проявления) от своей сущности (носителя). Однако, на наш взгляд, нельзя признать активность бессубъектной, даже если человек не осознает себя в качестве причины собственной активности, так как саморефлексия – один из видов активности субъекта, не тождественный тому акту, на который она (рефлексия) направлена. Иными словами, человек субъектен (и поэтому субъективен) во многих своих актах, включая акт самопознания. Благодаря тому, что субъект полагает начало причинно-следственным рядам, он потенциально способен и к осознанию себя в качестве причины тех актов, которые ранее не осознавались, но связь сознания и деятельности осуществляется личностью. Источник активности и носитель едины. Например, эмоции: если в рефлексивном акте субъект полагает себя пассивно переживающим действие эмоций, то он и не пытается совладать с ними, если же он осознает себя в качестве причины эмоций и хочет изменить или сохранить своё эмоциональное состояние, то занимает позицию, необходимую для саморегуляции. Способность субъекта занять такую позицию обусловлена (помимо его системообразующего качества – творческой способности полагать начало причинно-следственным рядам) наличием у личности соответствующих знаковых средств (знаний). Последние способствуют не только расширению, но и ограничению активности субъекта. Применение знаний автоматически не определяется самими знаниями и является творческой задачей, решаемой человеком всякий раз в неповторимой ситуации.

Таким образом, для признания субъектности важнее факт порождения нового следствия, нежели осознание этого следствия. Благодаря тому, что субъект полагает начало причинно-следственным рядам, он всегда способен и к осознанию себя в качестве причины тех актов, которые ранее не осознавались. Новые причинно-следственные цепочки реализуются в деятельности, они даны субъекту в сознании, связь же сознания и деятельности осуществляется личностью.

В начале XX в. в разработку категории «субъект» также большой вклад привнесла концепция «человека как активного деятеля» М.Я. Басова [4]. В структуре человека М.Я. Басов выделяет две составные части (правда, постоянно подчеркивая условность такого выделения): 1) организм сам по себе; 2) деятель в окружающей его среде. Первая составляющая может быть четко соотнесена с понятием индивида, так как, рассматривая развитие организма самого по себе, М.Я. Басов определяет его как биологическое развитие, которое имеет собственный фиксированный в себе источник [4].

Это понятие деятеля в окружающей среде М.Я. Басов соответствует пониманию субъекта как носителя активности. Качество человека как деятеля появляется в его развитии с самого рождения. Он постоянно подчеркивает: «...человек в отличие от животных не только сам приспосабливается к среде, но и приспосабливает среду к себе, воздействуя на нее и преобразуя её в процессах своего труда с помощью искусственных орудий труда. Последнее делает его не просто деятелем в среде, но активным деятелем» [4. С. 224–225]. Словосочетание «активный деятель» тавтологично: слово *активный* происходит от латинского *actus* – «действие»; получается «действующий деятель». Мы можем назвать кого-либо деятелем в силу того, что он действует, и постольку, поскольку он действует.

М.Я. Басов использует понятия деятеля и субъекта в смысле, соответствующем различию источника активности (того, кто выступает исходной точкой определенного вида активности) и исполнителя (того, кто реализует некоторый вид активности в определенной предметной, социальной или культурной среде): «Готовность человека к тому, чтобы быть субъектом собственного исследования, растет вместе с необходимостью в этом на пути возрастающей сложности его как деятеля в среде» [4. С. 244].

М.Я. Басов хотя и приписывает характеристику деятеля всем живым организмам, при рассмотрении собственно человеческих свойств обращает внимание, что «и организм, и среда выступают перед нами с новыми качествами, проистекающими из их социальной природы. Говоря о человеке, мы должны мыслить его всегда как общественного человека, и равным образом окружающая его среда есть, прежде всего, среда человеческого общества» [4. С. 223]. И источник развития человека как деятеля в среде (или психологического развития) может лежать вне его организма, в «закономерно организованной действительности» [4]. Это сближает понятие деятеля в среде с категориями личности.

Говоря о соотношении категорий личности и субъекта, В.А. Татенко замечает, что личностное следует выводить из субъектного как сущностного, а не наоборот.

Соотношение субъекта и индивидуальности особенно для него важно. Он делает вывод о том, что индивидуальность не достигается, она творится субъектом. Таким образом, в отличие от Б.Г. Ананьева он не считает индивидуальность высшей целостностью в структуре человека. По его мнению, именно категория субъекта интегрирует все другие, связывая их в единую систему [7].

Сдвиг смысловых установок личности, считают Е.И. Фейгенберг и А.Г. Асмолов, всегда опосредствован изменением деятельности субъекта. Отсюда и следует основная идея общего методического принципа опосредствования смысловых образований личности. «Она состоит в том, что для перестройки и коррекции мотивационно-смысловых образований личности необходимо выйти за их пределы и изменить личностно-значимые деятельности, порождающие эти образования. Из подобного понимания психологической природы воспитания вытекает и то, что перерождение личности всегда идет через изменение деятельности, в том числе и деятельности общения» [5].

Поле значений категории «субъект» может быть определено через ряд понятийных оппозиций, выделенных в результате последовательного дихотомического анализа существующих представлений. Дихотомический анализ, однако, не позволит нам рассмотреть гетерохронные, асимметрично связанные разноуровневые понятия (например, понятия причины и следствия), описывающие процессы субъективации.

В исследовании Н.В. Богданович анализируются концепции отечественных психологов путем выделения вначале особенностей понимания тем или иным ученым категории субъекта, а затем сравнения с отношением других авторов к данной идее [6. С. 88]. Первую оппозицию Н.В. Богданович определяет как «сохранение – изменение». В данной оппозиции описывается противостояние «непрерывности, недизъюнктивности внутреннего субъективного мира» (Г.И. Челпанов, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская) – прерывности, «исчезновения субъекта» вместе с деятельностью (В.А. Петровский) [6. С. 9]. Рассматриваемая Н.В. Богданович оппозиция «целостность – множественность» является вариантом первой.

Вторая оппозиция – «осознанность (Л.И. Божович) – неосознаваемость (А.В. Брушлинский)» – формулируется в виде проблемы: может ли человек быть субъектом, не осознавая этого. Основными аргументами в пользу обеих позиций служат данные возрастной психологии о сравнительно позднем генезе самосознания у ребенка. А.В. Брушлинский интерпретирует их как свидетельство первичности субъекта сознательной активности и вторичности его способности к самосознанию, а Л.И. Божович интерпретирует эти же данные как онтогенез субъекта психической активности и деятельности.

Третья оппозиция – «субъект индивидуальный или коллективный (В.М. Бехтерев, А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Филиппов) – только индивидуальный» (В.А. Татенко). Аргументом в пользу отраженной коллективной субъектности служат социальные стереотипы.

Четвертая оппозиция – «позиция (Л.И. Божович, Б.Ф. Ломов) – диспозиция (К.А. Абульханова-Славская)» – выступает в поиске тех критериев и той грани, которыми определяется превращение человека в субъекта. Понятием диспозиции К.А. Абульханова-Славская подчеркивает значимость проблемного осмысления действительности как важного критериального признака субъектности [6. С. 90].

Пятая оппозиция – «свобода (И.М. Сеченов, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе) – детерминизм (фрейдизм, бихевиоризм, французская школа психологии)». Суть её состоит в том, является ли человек автором своей жизни или, наоборот, управляется её обстоятельствами. Словосочетание «субъектная активность» имеет смысл уровня развития активности, с которого начинается ответственность (К.А. Абульханова-Славская), поэтому Н.В. Богданович определяет данную оппозицию так: «свобода – ответственность», рас-

сматривая качественные характеристики активности как критериальные признаки субъекта [6. С. 90–91].

Оппозиция «настоящее – прошлое», по мнению Н.В. Богданович, характеризует сложившееся в зарубежной психологии представление, что категория субъекта приобретает временную протяженность [6].

Соответственно, возникает дискуссия о том, какое время играет решающую роль в детерминации поведения человека и его развитии: прошлое, с его психотравмирующими ситуациями и полезными навыками; настоящее, с его экзистенциальными, аутентичными или трансперсональными переживаниями; или будущее, с его целями и проектами?

В отечественной психологии существует несколько попыток обоснования взаимосвязи категории субъекта с психологическими категориями личности, индивидуальности, индивида. Наиболее ранней является схема Б.Г. Ананьева (рис. 1).

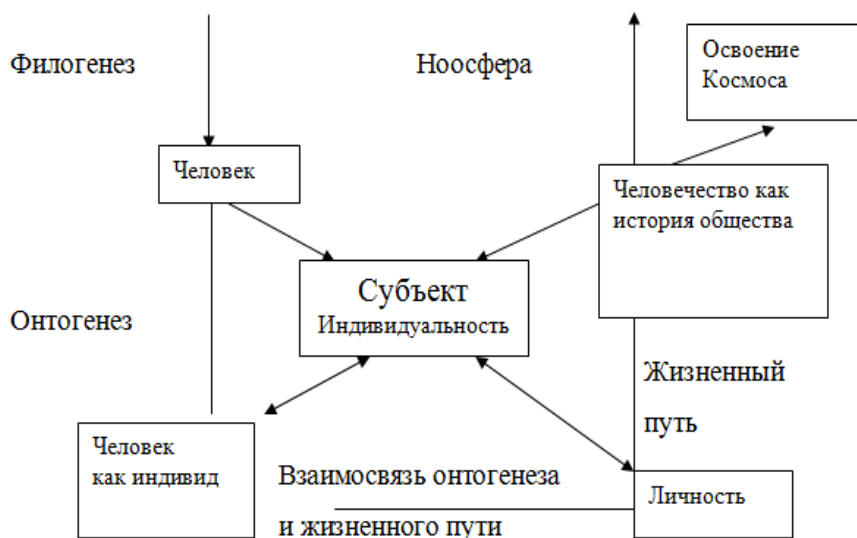

Рис. 1. Общая структура человека и взаимосвязь развития его свойств (Б.Г. Ананьев)

Главное отличие субъекта от личности, по Б.Г. Ананьеву: субъект «характеризуется через совокупность деятельностей и меру их продуктивности», а личность – «через совокупность общественных отношений и определяемой ими позицией в обществе» [7. С. 247].

Г.В. Акопов считает, что в содержании сознания центральное место занимает система отношений, так как «в зависимости от нее мотивируется деятельность, ставится цель, приобретаются знания, определяется аффективная сторона деятельности, формируется самосознание» [8. С. 53].

Центральное положение в сознании, которое Г.В. Акопов отводит системе отношений, не позволяет трактовать эти отношения в терминах «индивид – среда» или «личность – общество»: в первом случае будет неоправданным использование категории сознания, а во втором – центрального положения. Срединное положение и детерминирующая роль системы отношений позволяют определить её только как систему отношений субъекта.

Сходной позиции придерживается В.А. Ганзен, называя термином «отношение» контакты субъекта с субъектом и субъекта с объектом [9]. К разновидностям отношения он относит взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействия и рассматривает как отношения «основные психические явления: перцепцию, аффект, волю, мышление» [9. С. 21].

В.А. Ганзен и Г.В. Акопов пользуются структурно-функциональным подходом к категории отношения. В.А. Ганзен типологизирует психическую активность субъекта путем структурирования всех психических процессов вокруг четырех функций субъекта, а Г.В. Акопов изучает детерминирующую роль этих же субъектных функциональных отношений в сознании и деятельности (таблица).

Продолжая традицию Б.Г. Ананьева и стремясь дать системное описание человека, В.А. Ганзен также предложил свою схему соотношения категорий индивида, субъекта, личности и индивидуальности (рис. 2). Он называет эти категории «макрохарактеристиками человека, отражающими различные стороны его сложной природы» [9. С. 18].

Функции субъектных отношений в структуре психических процессов (по В.А. Ганзену)	Результаты реализации субъектных отношений в деятельности (по Г.В. Акону)
Перцепция	Приобретаются знания
Аффект	Определяется аффективная сторона деятельности
Воля	Мотивируется деятельность, ставится цель
Мышление	Формируется самосознание

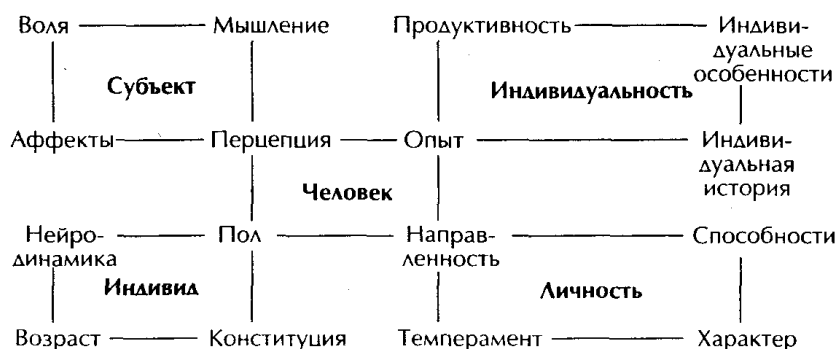

Рис. 2. Метаструктурное психологическое описание человека (В.А. Ганзен)

В.А. Ганзен выделяет следующие соотношения между категориями: «На схеме правая сторона отражает социальные характеристики человека как личности и индивидуальности, а левая – его природную, биологическую основу. Доминирующая роль социального компонента проявляется в общественной природе индивидуального сознания человека как субъекта. <...> Категории индивида и личности характеризуют преимущественно интегративные отношения человека, а категории субъекта и индивидуальности – наоборот, дифференцирующие отношения человека в окружающей его среде» [9. С. 158]. Субъект, согласно описанию В.А. Ганзена, может проявлять себя в четырех психических функциях: перцепции, аффекте, воле и мышлении.

В.А. Ганзен отождествляет волю с мотивацией, с чем нам трудно согласиться. Мотив как осознанная определенная потребность играет роль побудителя к действию. Но, как известно, мотив не обязательно связан с волевой активностью. Нередко человек не может избавиться от мотива (осознанной определенной потребности), объясняя это недостатком воли (например, курильщик о мотиве курения).

В современной психологии сложилось несколько разных точек зрения на соотношение понятий произвольности и воли. Можно назвать многих авторов, употребляющих эти понятия в одном и том же значении сознательной саморегуляции поведения, противопоставляющих волю аффекту (Л.С. Выготский, К.М. Гуревич, К.И. Непомнящая). Воли у организма, наделённого бессознательной психикой (как у высших млекопитающих), нет и быть не может. Функцию воли у них выполняет эмоция. Воля происходит из социального источника – власти (М. Фуко).

Другая распространенная точка зрения состоит в том, что воля – это высшая форма произвольного пове-

дения, а именно произвольное действие в условиях преодоления препятствий. Для произвольной регуляции характерна сознательная целенаправленность поведения, а для волевой – преодоление трудностей и препятствий на пути к цели (В.К. Котырло).

Когда воля проявляет себя в мотивационной сфере психики, можно наблюдать целенаправленное поведение, совершаемое вопреки мотивационным установкам: так, имеющий цель похудеть старается не есть, хотя пищевая мотивация для него может быть весьма актуальной. Воля – это модус бытия субъекта; она может проявляться везде, во всех сферах психики, куда проникает рефлексия (произвольное внимание, представление, воображение, мышление, установки) как признание причины.

Воля либо усиливает существующую установку для преодоления сопротивления внешней среды или других актуализированных в ситуации установок, вступающих в противоречие с первой, либо вступает с этой установкой в конкурирующие, реципрокные отношения. Например, если действие детерминировано аффективно – ни воля, ни осознанность не требуются: так живут многие животные. Будучи обеспеченной аффективно, связь между перцептивным образом и действием может воспроизводиться даже без субъективного контроля, «автоматически».

Действие субъекта оказывается возможным вопреки инстинкту или любой другой программе, эмоционально связывающей определённые перцептивные образы (предметы восприятия или представления) с определённым поведением, благодаря способности рефлексивно удерживать актуальный социокультурный смысл связи между образом и мотивом как конкурирующий существующей установке. Иными словами, воля выполняет функцию «дополнительного аргумента» новой социокультурной установки, пока она не усвоена эмо-

ционально, так же, как аффект выполняет функцию «основного аргумента» инстинктивной предрасположенности или «дополнительного аргумента» прежде усвоенной смысловой установки.

Оппозиция аффекта и воли не постоянна. Сильный аффект может овладеть волей человека; поступки, совершённые под влиянием аффекта, экспертами могут рассматриваться как произвольные, не влекущие моральной и иной ответственности личности. Воля может подчинить себе аффект, тогда эмоциональное состояние человека не тормозит волевое действие, а наоборот – энергетически подпитывает его доминанту.

Историческая психология свидетельствует о том, что род действует как нерасчлененное целое, как субъект общей нерасчлененной воли. Воля рода была освещена самосознанием, имела форму табу, морального запрета, и в силу этого выполняла роль регулятора исполнения обрядов, традиций и норм. Индивид в таком обществе даже не помышляет о собственной воле. Даже в отношении с младшими по статусу он реализует не собственную, но социальную волю рода, существующую в традиционных представлениях и ролевых предписаниях. Не могло быть и речи о принятии или непринятии воли рода отдельными индивидами или о внутреннем моральном конфликте.

Интерииоризация субъектом волевых качеств личности изменяется по мере демократизации общества, но воля индивида всегда контролируется и направляется множеством разноуровневых социальных инстанций, включая волю к активности не только в социальной (производственной, досуговой, сексуальной), но и в наиболее интимной интрапсихической сфере (контроль собственной «нормальности», искренности, греховности и т.п.). Рефлексия этого контроля позволяет субъекту освобождаться от него через коммуникацию с носителями норм и образцов иных сообществ. Результатом такой эмансипации становится не только возможность эскапизма, «бегства» в асоциальные, антисоциальные формы поведения, которые контролируются не менее жёстко, чем просоциальные, но и просоциальное проектное отношение к обществу в целом и отдельным социальным общностям, и группам, и к самому себе, что представляет собой высшую ценность гражданского общества. Таким образом, свобода воли из смыслового конструкта через социальное признание и контроль интериоризируется в факт психической жизни индивида, самоопределения и целеполагания личности.

Традиция в трактовке субъекта как носителя причинности восходит к философии Аристотеля, И. Канта, А. Бергсона и воплощается в теоретико-психологических разработках и экспериментальных исследованиях В.А. Петровского.

«Быть субъектом», утверждает В.А. Петровский, – это быть носителем свободной причинности, которая уже была охарактеризована им вслед за И. Кантом как «causa sui» (лат. – «причина себя»), «то есть возможности самопроизвольно начинать причинно-следственный ряд» [10. С. 14]. Из этого понимания следует, что «субъект» так относится к «свободной причинности», как «сущее» к «способу своего существования», и таким образом, интуитивно, субъект есть

нечто такое, что само воспроизводит свое бытие в мире [10. С. 15].

«Стимул, в котором идеально предсуществует “реакция”», «текст» как побудитель предстоящего действия, наследуемая биологическая информация, «геномы культуры» – все, что предпослано человеку в качестве идеальной записи его будущих акций, превращают его лишь в носителя, или, как выражается В.А. Петровский, «агента» активности, подлинный субъект которой находится в стороне [10. С. 54].

В.А. Петровский выделяет две сферы существования субъектности человека: его «присутствие» как субъекта в других людях (отраженная субъектность в других) и его «присутствие» как субъекта в себе самом [10. С. 154].

В.А. Петровский описал также три основных, генетически преемственных формы проявления отраженной субъектности: 1) запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний (это область заранее не запланированных одним человеком влияний на другого человека); 2) отражаемый индивид выступает как идеальный значимый другой; 3) отражаемый индивид выступает как претворенный субъект [10. С. 155–158]. В этом последнем случае отражаемый субъект настолько глубоко проникает в духовный мир субъекта, осуществившего отражение, что Я этого последнего оказывается внутренним и радикальным образом опосредовано взаимодействием с первым, выступает как существенно определенное (или «положенное») им. К области заранее не запланированных влияний одного человека на другого относится и отраженная в каузальном атрибутировании поведения другого человека его (другого) способность быть субъектом психической активности.

Помимо форм существования, В.А. Петровский выделяет ещё четыре «ипостаси Я индивида», соответствующие четырем типам причин по Аристотелю (материальная, актуальная, финальная и формальная причины).

Таковы следующие ипостаси Я индивида, по В.А. Петровскому [10. С. 34]:

1. «Имманентное Я» (единство движущего и движущегося – «Я как самодвижение», существующее в настоящем пространстве и времени); ему соответствует *causa sui* в значении «материальной причины».

2. «Идеальное Я» (единство представляющего и представляемого – «Я как представление о самом себе», существующее в идеальном пространстве и времени); ему соответствует *causa sui* в значении «формальной причины».

3. «Трансцендентальное Я» (единство мыслящего и мыслимого – «Я как мысль о себе», существующее вне пространства и времени); ему соответствует *causa sui* в значении «актуальной причины».

4. «Трансфинитное Я» (единство переживающего и переживаемого – «Я как переживание себя», образующее совершенное пространство и время); ему соответствует *causa sui* в значении «целевой причины».

Каждая из названных ипостасей реализует в себе, согласно его предположению, одну из четырех аристотелевских причин, и, вместе с тем, каждая могла бы быть возведена в ранг *causa sui*.

Таким образом, мы можем зафиксировать два модуля активности субъекта: 1) произвольное действие и 2) рефлексия (осмысление).

Субъект активности может появиться только в рамках традиции определения субъектности через источник причинности. Субъект – источник произвольной активности индивида, направленной на социокультурные по природе объекты-ситуации. Внешне наблюдаемое поведение при этом имеет как субъектный, так и

объектный компоненты, взаимосвязь между которыми имеет темпоральную природу.

Выявленные аспекты активности субъекта в рамках системы образования запускают развитие его участников, протекающее в рамках образовательного процесса. Они же определяют качественное состояние образовательного процесса и детерминируют динамику становления субъекта профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Методологический аспект проблемы субъективного // Методологические и теоретические проблемы психологии / отв. ред. Е.В. Шорохова М. : Наука, 1969. С. 3–72.
2. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. 308 с.
3. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М. : Издательство «Канон +», 2002. 422 с.
4. Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М. : Педагогика, 1975. 432 с.
5. Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г. Культурно-историческая концепция и возможности использования невербальной коммуникации в восстановительном воспитании личности // Вопросы психологии». 1994. № 6. С. 74–75.
6. Богданович Н.В. Субъект как категория отечественной психологии : дис. ... канд. психол. наук. М. : Институт психологии РАН, 2004. 170 с.
7. Ананьев Б.Г. Психологическая структура человека как субъекта // Человек и общество. Вып. 2. Л. : ЛГУ, 1967. С. 235–249.
8. Акопов Г.В. Социальная психология образования. М. : Московский психолого-социальный институт ; Флинта, 2000. 296 с.
9. Выготский Л.С. Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 3. 366 с.
10. Петровский В.А. Личность: Феномен субъектности. Ростов-на-Дону, 1993. 212 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 26 августа 2013 г.